

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

ЗА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ПОПУТНИЧЕСТВА В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ ПРОЛЕТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ?

ОТВЕТЫ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА АНКЕТУ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“

Н. ОГНЕВ

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОИСТВО МИРА

Одна из основных задач пролетарской литературы — вскрытие новых материалов. Материал этот в чрезвычайном избытке есть из недр страны; каждый день, каждый час, каждая минута дает новые, еще неизданные ростки материала. Можно сравнивать с нефтяными участками: то там, то здесь — новые

Материал должен быть проверен и отсечены. Не индивидуальные наклонности авторов должны играть в этом отсеве решительную роль, а социальная, классовая необходимость. Только при наличии материала получит надлежащее звучание.

На третьем месте стоит знание предыдущей литературы. Ученик становится мастером, только овладев всеми приемами работы. Мастер станет творцом, открыл новые приемы. Поэтому — не учеба у классиков и не отрывание от классиков, а упорная работа над новыми приемами, ликвидизация социальной (классовой) необходимости.

Четвертое: да здравствует разнообразие жанров! Большое полотно и аптилоденка имеют равное право на существование, если они социальны обусловлены.

А социальная необходимость, социальная обусловленность для всех нас подтверждает, что может быть создано социалистическое перестроение мира.

Н. ТИХОНОВ

УЧИТЬСЯ У СОВРЕМЕННОСТИ

Я жду, чтобы развернувшаяся с большой силой дискуссия, оставив личные счеты, обратилась во всю ширину в области чисто литературных задач пролетариата.

Самое положение пролетарской литературы в пролетарской стране дает ей возможность так видеть, так изучать, а главное, так активно принимать непосредственное участие в социалистическом строительстве, что лучшие условия для творчества, по-моему, нет.

Чтобы как-нибудь уменьшить пресловутую учебу у классиков в области романа и театра, она бы поучилась у современности, отыскав формы, в которых бы гигантская битовая перestroйка и индустриализация нашли бы свое полное ображение.

Чтобы пролетариат оживила головы большинства своих поэтов, последнее время уронивших стихи на границу безвкусицы и безразличия, синтезировав головы «механического» чиркания, во все неизбежного.

Чтобы внимание на разработку «боковых форм», в первую очередь отверка и фельетона, положение которых в современной литературе совершенно не исключено.

М. СЛОНИМСКИЙ

ЧТО ДОЛЖНА ДАТЬ ДИСКУССИЯ В РАПП

Участники развернувшейся внутри РАПП дискуссии теряют, к сожалению, из виду строго принципиальный подход к вопросам методологического характера, увлекаются личными выпадами и доказкой одной раз просто до гравийных и чрезмерного восхваления других писателей. Это, может быть, неизбежно в таком горючем споре, но все же это затемняет суть дела.

Площадность этой дискуссии должна скаться на практике творчества, и пролетарской литературы я жду, с чисто нового, хороших произведений. Такими мне представляются произведения, построенные на глубоких мотивах нашей эпохи, развернутых драматически, не в головной схеме, а во всей сложности явлений. На пути создания таких произведений окажется консолидация всех сил пролетариата.

Е. ЗОЗУЛЯ

ЧТО НАДО ЗАРАБОТАТЬ

С «попутничеством» в литературе, по-моему, давно пора кончать. До каких пор можно ходить «по пути?» Сегодня «по пути», завтра «по пути», через год «по пути...» Надо же когда-нибудь зашагать и в ногу. Откровенно говоря, я как следил никогда не знал, что такое попутчики. «Попутничество» никогдако не обременяло. В попутчиках числились писатели, не только не имеющие ничего общего друг с другом, но и открыто до конца враждебные друг другу.

Лично я думал, что попутчики это те, которым труднее заработать себе звание, выразительный смысл.

Поднять происходящие процессы переворота в полной мере можно лишь борясь историческим опытом революционного пролетариата. Эпоха ставит перед художником ответственные задачи, но она содержит и возможность их действительного разрешения. В борьбе за социалистическую реконструкцию, должна остаться в стороне от общего реконструкции ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ. Это означает, что процесс внутренней дифференциации попутнических рядов, который имел место в первом периоде исторической неизбежности, необходимо учиться у пролетариата, первостроителя своего мировоззрения, используя великий исторический опыт пролетарской революции. Политика партии в отношении попутчиков всегда основывалась на том, чтобы была предоставлена полная возможность писателям, приведшим из недр другого класса, преодолеть наследие своего классового прошлого, осуществить переделку самих себя. Должна быть проповедана внимательность, чуткость в отношении попутнических художников, должна быть вслеки облегчена работа попутнических художников над собой.

Развернутый социалистический наступление ставит перед нашей литературой гигантские задачи. Необходимо подтянуть все участники литературного фронта, попутническая ЛИТЕРАТУРА НЕ МОЖЕТ ОСТАТЬСЯ В СТОРОНЕ ОТ ОБЩЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ. Это означает, что процесс внутренней дифференциации попутнических рядов, который имел место в первом периоде исторической неизбежности, необходимо учиться у пролетариата, первостроителя своего мировоззрения, используя великий исторический опыт пролетарской революции. Политика партии в отношении попутчиков всегда основывалась на том, чтобы была предоставлена полная возможность писателям, приведшим из недр другого класса, преодолеть наследие своего классового прошлого, осуществить переделку самих себя. Должна быть проповедана внимательность, чуткость в отношении попутнических художников, должна быть вслеки облегчена работа попутнических художников над собой.

Развернутый социалистический наступление ставит перед нашей литературой гигантские задачи. Необходимо подтянуть все участники литературного фронта, попутническая ЛИТЕРАТУРА НЕ МОЖЕТ ОСТАТЬСЯ В СТОРОНЕ ОТ ОБЩЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ. Это означает, что процесс внутренней дифференциации попутнических рядов, который имел место в первом периоде исторической неизбежности, необходимо учиться у пролетариата, первостроителя своего мировоззрения, используя великий исторический опыт пролетарской революции. Политика партии в отношении попутчиков всегда основывалась на том, чтобы была предоставлена полная возможность писателям, приведшим из недр другого класса, преодолеть наследие своего классового прошлого, осуществить переделку самих себя. Должна быть проповедана внимательность, чуткость в отношении попутнических художников, должна быть вслеки облегчена работа попутнических художников над собой.

Задача перевоплотления, постоянно актуальная для писателей-попутчиков, получит в реконструктивный период особую яркость, выразительный смысл.

Поднять происходящие процессы переворота в полной мере можно лишь борясь историческим опытом революционного пролетариата. Эпоха ставит перед художником ответственные задачи, но она содержит и возможность их действительного разрешения. В борьбе за социалистическую реконструкцию, должна остаться в стороне от общего реконструкции ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ. Это означает, что процесс внутренней дифференциации попутнических рядов, который имел место в первом периоде исторической неизбежности, необходимо учиться у пролетариата, первостроителя своего мировоззрения, используя великий исторический опыт пролетарской революции. Политика партии в отношении попутчиков всегда основывалась на том, чтобы была предоставлена полная возможность писателям, приведшим из недр другого класса, преодолеть наследие своего классового прошлого, осуществить переделку самих себя. Должна быть проповедана внимательность, чуткость в отношении попутнических художников, должна быть вслеки облегчена работа попутнических художников над собой.

Задача перевоплотления, постоянно актуальная для писателей-попутчиков, получит в реконструктивный период особую яркость, выразительный смысл.

Поднять происходящие процессы переворота в полной мере можно лишь борясь историческим опытом революционного пролетариата. Эпоха ставит перед художником ответственные задачи, но она содержит и возможность их действительного разрешения. В борьбе за социалистическую реконструкцию, должна остаться в стороне от общего реконструкции ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ. Это означает, что процесс внутренней дифференциации попутнических рядов, который имел место в первом периоде исторической неизбежности, необходимо учиться у пролетариата, первостроителя своего мировоззрения, используя великий исторический опыт пролетарской революции. Политика партии в отношении попутчиков всегда основывалась на том, чтобы была предоставлена полная возможность писателям, приведшим из недр другого класса, преодолеть наследие своего классового прошлого, осуществить переделку самих себя. Должна быть проповедана внимательность, чуткость в отношении попутнических художников, должна быть вслеки облегчена работа попутнических художников над собой.

Задача перевоплотления, постоянно актуальная для писателей-попутчиков, получит в реконструктивный период особую яркость, выразительный смысл.

Поднять происходящие процессы переворота в полной мере можно лишь борясь историческим опытом революционного пролетариата. Эпоха ставит перед художником ответственные задачи, но она содержит и возможность их разрешения.

Завтра, 25 сентября, в помещении Дома Герцена (Тверской, б. 25), в 19 часов, состоится собрание актива Всероссийского союза советских писателей.

Просим ко всем членам союза, находящимся в Москве, явиться на собрание не позднее.

Одна из основных задач, на которую

стellt перед писателями-попутчиками,

статья, на которую

“БРУСКИ” ПАНФЕРОВА ПЕРЕД СУДОМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Налостовский кружок рабочей критики “Рост” организовал на заседании Ф. Панфёрова обсуждение романа Ф. Панфёрова “Бруски”. С докладом выступил тов. А. Селивановский.

— Противоречие трактовок темы крестьянства и домашней и буржуазной литературы Панфёрова показывает крестьянину в эпоху диктатуры пролетариата как субъекта революции, показывает социалистическую переделку крестьянства, художественно оформив мысль о двойственной природе крестьянства, неоднократно выдвигавшуюся В. И. Ленин.

— Таким образом поставил бы крестьянин вопрос о социалистической перестройке деревни? — спрашивал т. Селивановский.

Наиболее вероятны два варианта:

Первый из них мог бы выражаться в пропагандистском подходе к теме. Интригнув экономическую закономерность социалистической перестройки крестьянства, писатель попытался бы обяснить ее тем, что крестьяне переходят на роль социалистического хозяинства, достигнув определенной культурной зрелости и осознав отсталость мелкобуржуазного хозяйства.

При другом варианте крестьянинский писатель, выдвигая на первый план манифестиацию, индустриализацию сельского хозяйства, проглядывал бы мелкобуржуазную сущность, еще вытекающую из экономических тенденций в сознании крестьянства.

Панфёров избежал этих двух возможностей. В романе, свободном от обоих недостатков, он раскрывает экономическую тунку, в которой западо-крестьянство в капиталистических условиях в котором оно должно искать выход.

— Большинство писателей — говорит А. Селивановский, — ограничивается быческими этиками, проблемами бытия, психологией и т. п. Панфёров спускается в «нинзине этики» нашей жизни — к экономике, к технике, к аграрии, охватывающей нашу современность во всем ее многообразии.

На прежнем этапе развития пролетарской литературы, когда впервые ставился вопрос о применении диалектико-материалистического метода, она не пренебрегала остановливала свое внимание на материалистических основах метода.

Но богатейшее философское наследие Ленина и все последующие теоретические дискуссии обращали особое внимание на необходимость разработки вопросов диалектики. И в этом разрезе Панфёрову удалось многое достичь.

Т. Селивановский останавливается на анализе труда художественных образов “Бруски”, “Шлихи”, “Столки Отчего” и Кирки Жадарки.

Изменение функций образа, мелкого собственника Шлихи в первой книге “Бруски” и в той же Шлихи — труженика во второй книге является результатом правильного подхода Панфёрова к основному закону материалистической диалектики — единству и развитию противоположностей.

Дальнейшее развитие того же — только в этом положении — мы видим в конфликте Огнев-Жадарки, когда Огнев, не предполагая своих мелкобуржуазных этических инстинктов, вынужден уступить место Жадарки, прошедшему горючу заводской школы и становящемуся во главе “Бруски”. Но Жадарки — более высокий тип — также является воспитанником в самом себе мелкобуржуазных тенденций, и мы видим, как новые прорывы в творческом методе Панфёрова не нарушают независимость переделки мелкого товаропроизводителя и те славы, которые в нем происходят при помощи социалистического начала.

Касаясь недостатков “Бруски”, т. Селивановский отмечает, что Ф. Панфёров не сумел установить важность остав-

ших персонажей, характеризующих группу сторон социалистической перестройки деревни. Выразив свое несогласие с рядом критиков (И. Бессаполовым, М. Гельфандом, Л. Тоом) и в частности указав на механистическое понимание “Бруски” М. Гельфандом, Селивановский указывает на обнаружение “огнеголова деревенской земли” в критических высказываниях Л. Тоома о “серединной душе Кирки Панфёрова”. В поисках первоисточника Панфёрова показывает крестьянину в духе “Бруски”, Л. Тоом неожиданно находит его в фигуре Кирки Жадарки, в то время как мелкобуржуазная сущность Жадарки в чрезвычайной убедительности вскряывается в романе самого Панфёрова.

— “Бруски”, — заканчивает т. Селивановский, — при всех своих недостатках, при своей незаконченности — значительный вклад в пролетарскую литературу реконструктивного периода.

Было бы величайшей ошибкой думать, что “Бруски” решают задачу метода материалистической диалектики, но они ее ставят и намечают пути ее разрешения. В этом смысле опыт Панфёрова должен быть широким использован в писательской практике.

Выступивший в пренес И. С. Гросман-Рощин, сопартийцем с этой онцией “Бруски”, указал лишь на некоторую абстрактность свойственного роману биологизма, которому нужно было придать большую социальную обусловленность.

В. Ставский останавливается на цепи “Бруски” как на примере актинга участника писателя в практике социалистического строительства.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Но если даже согласиться с Заболоцким по поводу того, что “Бруски” являются лишь началом для дальнейшего развития, то вполне понятно, каким образом “Бруски” может поставить точку “вокруг” дородного человека. Не смешает ли воздух, по мнению Заболоцкого, стоящим на земле?

Далее мы читаем:

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

Выступивший в заключение Ф. Панфёров заявляет, что ему передко без достаточных оснований приписывают овладение диалектико-материалистическим методом художественного творчества.

Панфёров не наблюдал, не экспортировал, что “Бруски” решают задачу метода материалистического марксизма — как это вспоминает И. С. Гросман-Рощин.

</div

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В ЗЕРКАЛЕ ПАНТЕЛЕИМОНА РОМАНОВА

В текущем году в сборнике «Недра» (кн. 18) И. Романов опубликовал большое произведение — роман «Товарищ Кисляков». Вопросы, затронутые автором в этом романе настолько актуальны, что решение настолько «неожиданно», что пройти между ними невозможно. Автором решается вопрос большинства политической значимости — что собой представляет сподвигающая большинство интеллигентия Составского Союза в отношении ее социального содержания: честные ли они энтузиасты-строители новой жизни или же «ослы», которых можно привести к воде, но нельзя заставить пить? (Кисляков).

Автор называет свою роман «Товарищ Кисляков» и всем содерганием произведения и установками этого содержания он подчеркивает, что разговор здесь ведется о товарищах Кисляковых, как о сподвигающем большинство интеллигентии нашей страны. Вот это обстоятельство и наводит на многие размышления.

«Интеллигентия в тупике» — это можно взять эпиграфом к роману, — в туниках беспроводников, безыходных, мертвых. Идея, положенная автором в основу, достаточно прозорливо открыта в выписках из прессы, которые приводят автор как будто соглашаясь с их оценкой фракции (архивы самоубийства Тамары — жены Архадзе). Автор системой образов говорит о «глубоко скрытой страшной болезни, которая разделяет душу интеллигентии, даже работающей с нами». Дело в том, говорят прессы, что «условия эпохи требуют, чтобы интеллигентия окончательно раз и навсегда пересмотрела свою политическую позицию. В исторический момент социалистического наступления и обострения классовой борьбы нужно стать или активными боевыми или совсем соединяться с сапогом буквально смъеха». И. Романов несомненно прав в одном, что современное положение вещей, как никогда остро, ставит перед интеллигентией вопросы — или, или. Просто отмежеваться и быть пассивными стало невозможным: сами обстоятельства активизируют человека в ту или иную сторону. Но И. Романова в том, что он показывает в интеллигентии только кандидатов в героя шахтного процесса или же трухлявых гномов, никак не прижимают, а кроме Архадзе, в то же время автор не хочет видеть интеллигентов, которые дело рабочих сделали своим делом, сумели перевариться в котле социалистического строительства. Данный роман — своеобразная иллюстрация «теории» закодированного социалистического круга, вырывавшегося из которого никто не волен. Солидаризируясь с газетой И. Романов говорит, что «нужно стать или активным боем (по какую сторону баррикад?) И. Е., или совсем уйти со сцены». Автор показывает, что для интеллигентии у нас только один путь — уйти со сцены жизни. Все персонажи романа подчеркивают собой, что интеллигенту, как исторически сложившейся

социальной данности, нет возможности вырваться из социалистического круга, для нее нет возможности переключиться на иные классовые рельсы. Быть активным бойцом по эту сторону баррикад интеллигентии не может, — вот вывод, к которому приглашается читатель. И. Романов логоризирует общественность в вопросе о пригодности старой интеллигентии на фронте социалистической стройки; гните, чужие меньшинство интеллигентии представляет как подавляемое большинство.

И. Романов полагает, что наша интеллигентия делает всякое дело с оглядкой на опасок: «А что если вся эта зона является только временным и ошибочным анионом истории? Не знаем, может и есть такие «интеллигенты», надо думать, что есть — ибо как можно быть такой сложной обстановкой не быть уродом? Но дело в том, что такие уроды буржуазной весны не следят. Сущей клеметиной прозвут эти слова, если мы сделаем попытку применить, например, подобную оценку к огромной армии аргономов, учителей вообще и сельских учителей в особенностях, которые ногу с партией дружно осуществляют политику коллективизации. Вот этого «змеяного» обстоятельства не захотел заметить автор, а не заинтересовалась действительной позицией вещей. Автор изволил забыть такие вещи, как, например, Воронто, и не захотел принять к сведению день ольга, когда наступил крах реформаторской политики в сторону революции советской интеллигентии. Мы уже давно привыкли в сообществе, примерно, следующего порядка: «Инженерно-технический персонал тракторной (Кр. Путил.) объявил себя мобильизованным в распоряжение тракторизаций завода для ликвидации пропаганды. Он решил отработать ударный десятидневный цикл в 3 часа, после работы, бесплатно, организовать удачные бригады по дефицитным наделам и организовать шефство ИТР над стаканами». (Правда, 1930, № 239). Подобных фактов, а они — повседневное явление — И. Романов упорно не замечает. И. Романов приходит к огульному оплеванию интеллигентии, констатируя, что «для всякого мирного интеллигента самая неприменима, так сказать, третьестранная, третьяраздражная работа была там, где нужно было активно проводить революцию, защищая ее с оружием в руках на фронтах или входить в непосредственное соприкосновение с массами, увлекая их пропагандой, вести в бой с враждебной внутренней, внешней силой». (59)

Автор не пожалел самыи черные краски для обрисовки характера советской интеллигентии, она показана как нечто кошмарно-мешающее, как смерзящий труп, бесконечно пшилое и пустое как впрочем и остальные попытки борьбы с пролетарской революцией («кондратьевщина», «романовщина», и т. д.). Но И. Романов сам стоит на позициях кисляковщины, и в силу этого он не видит пропаганды, происходящих в интеллигентии во всей их полноте, он, наоборот, извращает действительное положение, он дает неверное изображение интеллигентии, как исторически сложившейся

И. ЕРМАКОВ.

БУРЖУАЗНАЯ АГЕНТУРА В ТАПП

«Джидиги» в переводе на русский язык «семизвездие», т. е. семи литераторов звезд. Эта литературно-политическая организация возникла летом 1929 года в Уфе. Главными инициаторами и вдохновителями ее были: буржуазно-националистический писатель Наки Исамбет, примазавшийся к нам Кутуя и поэт-порнографист Чечай.

«Джидиги» была стругом конспиративной и ярко политической литературной организации и возникла именно в 1929 году. Это произошло потому, что год был передовым годом в татарской художественной литературе. Тогда что была организована ТАПП. Наметилось расслоение в рядах попутчиков, часть из которых начала осознавать, что им по дороге только с революцией. Другая часть, охваченная животным страхом перед классовыми боями в стране и перед растущей пролетарской литературой, метнулась в сторону буржуазно-националистического

агентства. Были недовольны диктатурой пролетариата и боялись, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «новичками» — четырьмя пунктами своей программы, попытались уйти в подполье и оттуда вести наступление на пролетарскую идеологию, на пролетарскую критику и на пролетарскую литературу.

Будучи недовольны диктатурой пролетариата и боясь, как жалкие трусы, сурой критики рабочего класса, Исамбета, Кутуя и Чечая, как представители отживших классов, попытались оторваться от нашей действительности как бы «

